

П. Н. Киричѐк⁴

ДВУЗНАЧНОСТЬ КУЛЬТУРЫ В АКСИОМАРКЕРАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В эпоху глобализации, отмеченную новым фактором существования человечества — цивилизационным противостоянием (по С. Хантингтону), феномен куль-

туры как универсальный процесс и результат креативной деятельности человека по преобразованию природы, собственной личности и окружающей социальной среды нередко видоизменяет статусно-ролевое значение. По всем историческим меркам, это значение должно обладать императивным социокультурным постоянством, ведь оно заключается в том, что в общественной жизни, по определению М. С. Кагана, «системообразующей силой является деятельность человека — существа одновременно природного и социального, творящего культуру и творимого ею»⁵.

Тем не менее в Новейшее время системно-деятельная значимость культуры под влиянием субъективных организационно-идеологических флуктуаций может утрачивать константный характер социокультурного свойства и становиться не только структурообразую-

⁴ Профессор кафедры журналистики Московского гуманитарного университета, доктор социологических наук, заслуженный работник культуры Республики Мордовия. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Информационная культура общества», «Информация в универсуме культуры», «Информация и коммуникация в государственном управлении»; учебника «Этика массмедиа»; курса лекций «Массовая информация в социокультурном управлении». Член Российского культурологического общества, Союза журналистов России. Член-корреспондент Российской академии естествознания.

⁵ Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 168.

щей, но и, наоборот, структуроразрушающей силой. При этом статические и динамические элементы, вместе составляющие «тело» культуры, обретают способность целенаправленно в широком общественном диапазоне: от полюса «плюс» — повышающего вектора социализации граждан, вызывающего у них настроение созидательной пассионарности, до полюса «минус» — понижающего вектора, опускающего массы людей в состояние бездеятельной апатии или девиантного поведения.

С одной стороны, в номинальном аксиоматическом индикаторе (ценностном индикаторе) культура становится в постиндустриальном обществе доминантным ресурсом развития человеческой цивилизации, которая все больше нуждается в интенсивной культурной обработке повседневных реалий окружающей действительности. В образном переложении культура — это душа общества, составляющая его внутреннюю суть, которая определяет характер и свойства телесной (материальной) основы социума. Наконец, культурное начало в XXI веке, который, по утверждению К. Леви-Стросса, «будет веком гуманитарных наук — или его не будет вообще»¹, вполне можно представить ментально-архетипным стержнем общественного бытия и сознания, дающим матрицу развития человечества в индивидуальной и групповой системах координат. В настоящее время любой социально-экономический прогресс в обществе на корневом уровне означает на деле осуществленный культурный «рывок» вперед, как это происходит в современном Китае, а социально-экономический регресс — культурный откат, который наблюдается в современной России, что обязательно находит либо позитивное, либо негативное выражение в политических и экономических изменениях.

В то же время в реальном аксиоматическом индикаторе культура как объект человеческой деятельности все больше эксплуатируется в качестве орудия экспансии небольшой группы стран-лидеров, стремящихся установить в мировом сообществе одно-сторонний порядок, закрепляющий примат «золотого миллиарда человечества» над остальным населением планеты. И здесь культура с ее образными, чувственными, интеллектуальными артефактами, обладающая самым мощным ресурсом для вторжения в чужое ментальное поле, становится агрессивной служанкой политики, экономики, идеологии сильных мира сего, хотя изначально по своей сути она шире и глубже этих феноменов, вместе взятых. В такой одномерной ситуации культура, вместо того чтобы брать в плен человека, сама попадает в плен к человеку. И хорошо, если к добру и разумному существу, а то ведь к злу и коварному...

Предназначенная на экспорт социокультурная модель общества потребления, заготовленная американско-европейскими строителями нового мирового порядка, по естественной для Запада логике находит свой первоочередной адресат распространения в лице России, жившей целые века своим евразийским умом и бывшей по всем политическим, экономическим, культурным признакам главным духовно-практическим оппо-

нентом атлантической цивилизации. Основным проводником агрессии, содержательно наполненной либеральным фундаментализмом, в эпоху глобализации выступает межкультурная коммуникация, предлагающая иные, на первый взгляд более успешные и привлекательные, модусы общественного жизнеустройства. В контенте информационно-коммуникативного трансфера фундируется глобальный замысел — полная перелицовка социокультурных доминант евразийского (православного) свойства на евро-американский (протестантский), причем, «готовым каналом для заражения России либерализмом стала утвердившаяся в нашей стране западная система образования»².

Из истории известно, что довольно редко какая-либо агрессия извне достигает абсолютного успеха на «чужой» территории, если она не находит поддержки внутри страны. Именно такое положение сил и возникло в России в конце XX века, когда либеральная элита и пошедшая за ее лозунгами масса полностью отказались в бытии и сознании от социокультурных доминант коммунитаризма. В результате абсолютный отказ в экономике от коммунитарной формулы «государство — собственник и работодатель» с надеждой на «волшебную» руку свободного рынка и всемогущий фактор частной собственности (кому что принадлежит и кому что достается) обусловил роковые последствия. Произошла фактическая деиндустриализация страны с исчезновением целых производственных отраслей, над созданием которых трудились несколько поколений граждан. Появилась стойкая безработица, ввергнувшая миллионы отличных специалистов промышленной, аграрной, строительной, транспортной отраслей народного хозяйства в незнакомое для них состояние лишних в обществе людей. С точностью до наоборот поменялась диспозиция в экономике: главным актором здесь стал не первичный (производственный), а вторичный (финансово-банковский) сектор. Страна подселла на сырьевую (газонефтяную) «иглу» с расточительной эксплуатацией невозможных природных ресурсов в обмен с заграницей на постоянно воспроизводимые предметы: одежду, обувь, пищу, лекарства, бытовую технику и др. В довершение состоялось кричащее по доходам расслоение населения на бедных и богатых (с децильным коэффициентом более 20 раз — при допустимом пределе не более 10 раз), где отмечается единственное достижение либеральной экономики — чрезмерно быстрый по заграничным меркам рост числа отечественных миллиардеров.

В политике абсолютный отказ от коммунитарной формулы «народ и партия едины» (как бы иронично она сегодня ни звучала, хотя в годы войны с фашистами работала) имел для страны не менее тяжелые последствия. Произошла фактическая «приватизация» политической сферы избранными социальными группами — рядовому гражданину путь в органы власти оказался заказанным. Административный ресурс кандидатов от власти превратил право граждан на выборах голосовать и избирать в пустую формальность. Главный выборный орган — Государственная Дума — стал канцелярским придатком к президентской администра-

¹ *Леви-Стросс К.* Путь масок. М.: Республика, 2000. С. 157.

² *Шамбаров В. Е.* Антисоветчина. М.: Алгоритм, 2014. С. 45.

ции, одобряющим все законодательные инициативы исполнительной власти.

Вопреки постулатам Основного закона в стране утвердилась (в основном с помощью манипулятивных технологий) государственная идеология либерального свойства, которую выражает партия «Единая Россия», чьи представители руководят подавляющим большинством органов власти на федеральном и региональном уровнях. Оформилось радикальное сословное разделение ранее объединенной нации на богатых и бедных, всевластных и безвластных людей с формально равными, но фактически неравными социально-мобильными возможностями. В чистом виде с ужасающими контрастами проявилась имманентная капитализму социальная несправедливость, когда один человек с трудом находит деньги на лекарство от гриппа, а другой в то же время себе на потеху строит личную подводную лодку и покупает зарубежный футбольный клуб. А манкировать в России архетипическим принципом социальной справедливости — значит, подвергать общество масштабному риску очередного революционного катаклизма.

Заимствованный из арсенала глобализации либеральный праксис власти за без малого тридцать лет подверг в России нигилистической ревизии коренные духовные ценности народного бытия — гуманизм, патриотизм, героизм, коллективизм, альтруизм. Внедренный сверху либеральный фундаментализм установил квазирыночный режим существования в ключевых сферах общественной жизни: в экономике — меркантилизм, в политике — аморализм, в культуре — утилитаризм. У состоявшегося в сегодняшней России капитализма обнаружилось отнюдь не «человеческое лицо», а совсем другое — олигархическое, без сантиментов, когда сверхбогатые граждане не думают о здоровье, науке, образовании, культуре народа и не желают платить налог на сверхприбыли больше 13 %. В итоге Россия перестала быть духовно-практическим полюсом мира, коим она считалась на земном шаре как минимум два столетия.

На стыке 1980–1990-х годов в пределах великой державы случился вселенский обман и самообман: на волне демократической эйфории многим людям ка-

залось, что для успешного управления страной достаточно поменять в руководстве коммунистов на либералов, как все сразу наладится и в политике, и в экономике, и в культуре. По мнению многих тогдашних экспертов, эта сказка не имела шансов стать былью: выросший на одной национальной почве образ жизни не может в полном подобии культивироваться на другой национальной почве. Он обязательно столкнется с инерционным сопротивлением иной социокультурной среды («Народ не тот!» — говорили потом младореформаторы). Тем более что за этот безнадежный проект — тотальной переделки россиян в англосаксов — взялись управленцы-либералы, увидевшие в европеизме и американизме идеальный образцовый миропорядок, установить который в России мешал «совковый» ментальный традиционализм, подлежащий списанию в архив истории. Что же получилось в итоге? По словам А. С. Панарина, «опыт России показывает — ни один противник не может принести столько вреда собственной стране, как ее властные элиты, испытывающие к ней страх и ненависть. Целенаправленная эксплуатация этих фобий — главная находка нашего противника в холодной войне и главная причина российских катастроф»¹.

В мировой истории нередко случаются парадоксы, которые опровергают аксиому о том, что настоящее человечества всегда лучше его прошлого, а будущее, в свою очередь, лучше настоящего. Хорошей иллюстрацией в данном случае может послужить все произошедшее в России в конце прошлого века, которое продолжается до сих пор: заемные извне политика и экономика тянут государственный «обоз» в одну сторону, а почвенная культура изнутри — в другую. Либеральный обертон в намерениях и действиях элиты отправил властей преержавших на девиантный путь государственного строительства — при абсолютном отрицании прошлого державного опыта, который и сейчас подвергается публичному остракизму. Откуда при таком непрактичном нигилизме вверху взяться новой успешной системе управления обществом? Да и вряд ли возможно в этом случае вызвать у народа состояние творчески созидательной пассионарности, необходимой для рывка вперед, заявленного с высокой трибуны...

¹ Панарин А. С. Народ без элиты. М.: Алгоритм, 2006. С. 253.